

П.Н. Барышников

Античный Логос и «онтология невозможного»

И.М. Вандулакис в своей статье «Предвосхищение Платоном простой теории типов» [1: 181-202] предпринимает оригинальную попытку логической интерпретации фрагмента (132a-133b) диалога «Парменид», выявляя на формальном уровне общие характеристики между онтологией эйдосов и некоторыми разделами математической логики, в частности, обращаясь к парадоксу Рассела и геделевской теореме о неполноте.

Суть парадокса состоит в следующем:

Пусть K – множество всех множеств, которые не содержат себя в качестве своего элемента. Содержит ли K само себя в качестве элемента? Если да, то, по определению K , оно не должно быть элементом K – противоречие. Если нет – то, по определению K , оно должно быть элементом K – вновь противоречие.

Существуют более доступные примеры высказываний, логически формулирующих парадокс Рассела: 1) Одному деревенскому брадобрею приказали «брить всякого, кто сам не бреется, и не брить того, кто сам бреется», как он должен поступить с собой?; 2) В одной стране вышел указ: «Мэры всех городов должны жить не в своем городе, а в специальном Городе мэров», где должен жить мэр Города мэров?; 3) Некая библиотека решила составить библиографический каталог, в который входили бы все те и только те библиографические каталоги, которые

не содержат ссылок на самих себя. Должен ли такой каталог включать ссылку на себя?

Примерно в такой же тупик ставит Парменид Сократа:

I. «Я думаю, что ты считаешь, что каждый эйдос является одним по следующей причине: когда [имеется] некоторое множество [вещей] кажущихся тебе великими, то, окинув взглядом их все, ты, наверное, думаешь, что одна и та же идея¹ находится над всеми и на этом основании приходишь к убеждению о том, что есть [только] одно великое».

II. «А что, если ты таким же образом взором души окинешь, как само великое, так и те другие великие [вещи], не обнаружится ли еще одно великое, благодаря которому все эти представляются великими?.. Итак, откроется другой эйдос великости, порожденный той самой великостью и теми [вещами], которые причастны ему»;

III. «а над всеми этими опять другое [великое], благодаря которому все эти будут великими».

IV. «И таким образом, каждый из эйдосов уже не будет у тебя одним, а их [будет] бесконечное множество» [1: 184].

Очевидно, что парадокс возникает из-за феномена автореференции при использовании внутренне противоречивых понятий «эйдос всех эйдосов», «множество всех множеств» так же, как и при внутренне противоречивом условии для брадобрея «брить всякого, кто сам не бреется, и не брить того, кто сам бреется». Решение этого парадокса выходит за пределы классической логики, т.к. необходимо создать непротиворечивую формализацию, внутри которой утверждение о существовании «множества всех множеств» оставалось бы невыводимым.

Парадокс Рассела прост и универсален, в нем используются понятия «множество» и «элемент множества», так же как и в платоновском учении об идеях-числах есть точка и множество точек, переходящих в эйдос непрерывной линии. Для математической логики существование некоего трансцендентального объекта, обеспечивающего существование непредекативного определения, недопустимо, поэтому в XX в. были предложены теория типов, различные способы логической аксиоматизации (так и не решившие проблему противоречия), направление интуиционизма Л.Э.Я. Брауэра и пр. Кстати, в этом же состоит и ключевое отличие платоновского и аристотелевского понимания эйдосов: первый допускал запредельные самосоотносящиеся виды, второй – нет.

Итог диалога между Сократом и Парменидом сводится к тому, что оба собеседника приходят к выводу о необходимости онтологического расслоения между эйдосами и вещами, чтобы исключить принцип подобия, который и запускает порочный круг бесконечных переходов от

«эйдосов вещей» к «эйдосам эйдосов вещей» и т.д.

Мы не будем здесь приводить современные логико-математические варианты решения парадокса, но позволим себе предусмотреть правомерный вопрос: «какая связь между платоновской онтологией и знанием о языке»?

Этот вопрос уводит нас в область междисциплинарных контактов современной лингвистики. Как известно, она тяготеет к математизации своих методов. В частности, логическая семантика перенимает часть проблем из математической логики и теории интеллектуальных систем (область информационных технологий). Платон, выстраивая иерархическую систему актуализации смысла единичных вещей к эйдосу высшего порядка, затронул глубочайшие философские проблемы семантики, а именно онтологию смысла. Иными словами, *где и в каком виде располагается единичный смысл, для которого в языке (в системе знаков) существуют бесчисленные формы выражения?* Можно сделать инверсию этого вопроса: *как возможно бесконечное производство смыслов в конечной системе синтаксических отношений?* Современная семантика, пытаясь ответить на первый вопрос, разработала теорию концептов, но в итоге все лингвистические изыскания в этой области уперлись в таинственную непостижимую природу человеческого сознания.

Во все времена философы пытались построить универсальные системы логических значений и заключить в них безудержный процесс познания, которому, как оказалось, помимо стройного симметричного синтаксиса, нужна игра, метафора, нелинейность, Трикстер, Хаос и прочие производные некоего деструктивного начала. В этих производных кроется неуловимость процесса произвольного семиозиса, творческого предписывания знаковых отношений между означаемым и означающим. Платон мечтал об идеальном языке, который следовал бы сократическому этическому гнозису («все что истинно – благо» и наоборот). Но процесс формализации мышления в позднейшей науке пришел к нематематической проблеме существования. Что значит в математике существовать? Оказалось, что идеализация объектов ставит пределы для непротиворечивой симметричности. И с какого-то момента нужна игра, юмор, метафора, анекдот, абсурд, ломка устоявшейся парадигмы.

В лингвистике и в аналитической философии эта проблема решается обычной дихотомией аналитических и синтетических высказываний. Для решения прикладных проблем этого достаточно. Синтез через систему творческих интерпретаций рождает новое знание, анализ «пишет» для нового знания свой язык с новым синтаксисом, новыми формами скриптования и кодирования.

Здесь мы попадаем в ловушку. Якобы установив экономически выгодный баланс между синтаксической симметрией и семантической творческой произвольностью, мы вновь приходим к тому же логическому парадоксу, так как баланс между симметрией и асимметрией – это своего рода новый тип симметрии. И так до бесконечности! Конечно, можно все списать на бесконечность процесса познания, но человек, находясь в постоянной нестабильности, мечтает о вечном свете Истины. Здесь появляется призрак Сократа: «Истина – есть Благо», но она невыразима вычисляемыми знаковыми системами. Значит, о том, что истинно и благо, лучше молчать. Мы здесь попадаем в область невычисляемых и неформализуемых категорий человеческого сознания, в область этических ценностей. Платоновский эйдос как атрибут всеупорядочивающего Логоса решает эту дихотомию своей абсолютной природой, но тогда Слово, которое было у Бога, нуждается не в познании, а в вере.

Известны изобразительные работы нидерландского художника Маурица Эшера, раскрывающие «онтологию невозможного». Эшер был первым, кто стал отображать преобразования Мебиуса, риманово пространство, объекты неевклидовой геометрии, фракталы, математические и геометрические парадоксы и пр. [4] (Удивительно, но М.К. Эшер, по его собственному признанию, математически был совершенно безграмотен). Для примера пластического представления математических парадоксов бесконечности возьмем известную литографию «Выставка эстампов» (Рис.1).

Рис. 1

Это вариант темы литографии «Балкон»: увеличение в централь-

ной части, т.е. растяжение пространства, изгибающегося по часовой стрелке вокруг незаполненного центра. Вход справа внизу ведет нас на выставку – в галерею с экспозицией гравюр на стенах и в застекленных витринах. Мы минуем посетителя, заложившего руки за спину, а затем – юношу (слева внизу), который, по крайней мере, в четыре раза крупнее того, первого. Даже голова у него увеличена в объеме по сравнению с его правой рукой. На стене перед ним – последний лист графической серии, и он пристально разглядывает пароход, лодки, волну канала и дома на заднем плане. Затем его взгляд переходит слева направо, к многоэтажному жилому массиву. Открытое окно, из которого выглядывает женщина, выходит прямо на покатуую крышу выставочной галереи, и это возвращает нас к месту, откуда началось путешествие. Юноша воспринимает все это как двумерные детали рассматриваемой литографии. Если же глаза захватят еще больше пространства, ему покажется, что он вошел в мир графического листа [2].

Для того чтобы получился подобный математический фокус, связанный со скрученными геометрическими пространствами, необходима нулевая функция, Пустота, «начало начал», Тишина, «эйдос эйдосов». «Это пустое пространство возбудило умы. Многие увидели в нем техническую невозможность продолжать головокружительное схождение к одной точке, другие заговорили об эстетике неоконченного произведения, кое-кто клялся, что загадочная пустота ставит вопросы. А несколько пуристов утверждали, что пустота внутренне присуща самой работе художника»[3]. Если представить математическую реконструкцию картины нидерландского художника, то мы увидим, что в центре присутствует белое поле, из которого раскручиваются новые парадоксальные пространства, несводимые к единой онтологии.

Математики (а именно профессор Лейденского университета Хендрик Ленстр и группа его студентов) попробовали искусственно заполнить белое пятно, расшифровав формальный код эшеровской литографии с помощью комбинации операций расширения, скручивания и тождественной проекции, сохраняющих углы всей сетки [2]. Но в итоге, выведя бесконечную математическую функцию, они уперлись в пределы изобразимости. Сама материя должна делиться до бесконечности, чтобы реализовывать выведенные математические преобразования. Парменид в платоновском диалоге настаивает именно на таком «расслоении» универсума. Платон устами Сократа соглашается, но только при единственно возможном варианте, если в основе всего сущего (в белом поле) будет располагаться невычислимый, неизъяснимый и невыразимый эйдос высшего порядка. В итоге спор Парменида и Гера-

клита о том, движется ли река бытия, или из-за вечного движения ее можно считать неподвижной, становится несостоятельным, так же как и вопрос о том, догонит ли Ахиллес черепаху. Количество точек во Вселенной равняется количеству точек в любой ее части.

По сути, натурфилософский парадокс о бесконечно делимом пространстве и платоновская трудность в соотношении имени и вещи возникают из-за лексикологической проблемы. Описанные философские системы пытаются «справиться» с содержанием понятий «вечность» и «бесконечность», которые содержат в себе автореферентные элементы. Но ведь класс не может быть членом самого себя, функция не может быть своим собственным аргументом, а предложение объектного языка не может говорить о самом себе, следовательно, и бесконечность не может состоять из маленьких бесконечностей.

Логическая и, можно сказать, онтологическая противоречивость автореференции хорошо иллюстрируется и традиционными литературными средствами. В одном из рассказов Х.Л. Борхес изображает мальчика, строящего из прибрежного песка точную копию мира, который его окружает. И он непременно должен дойти до момента, когда ему придется слепить себя, сидящего на берегу реки и строящего все, что его окружает в только что слепленном другом Им мире. И так до бесконечности, причем в обоих направлениях, как в микромиры, так и в мегамиры.

В этих метафорических прочтениях парадоксов автореференции видны мотивы, схожие с платоновским пониманием универсальной природы Логоса. Логос и его проявление в эйдетических матрицах, решает проблему невычислимости идеальных миров. В проблеме соотношения имени и вещи это играет ключевую роль. Платон обратил внимание на то, что бесконечное нагромождение единичных предметов без универсального начала, которые входят в классы лишь по субъективному желанию наблюдателя, это материальный Хаос. Язык творит Космос, описывая предметный мир. Причем, по Платону, творит в прямом смысле. Мир артикулируется на языке Бога.

Итак, платоновский Логос удивительным образом вместил в себя бесконечность семантики и цикличность синтаксиса. Семантика с ее бесконечной концептуальной разветвленностью, с ее асимметрией является универсальным инструментом для интерпретации, а, следовательно, и для коммуникации (ведь об Истине молчат, и лишь конфликт мнений порождает диалог и социально-коммуникативные «мизансцены»). Синтаксис – это универсальный код для описания предметного мира, это закон, которому на определенном этапе подчинилась европейская

цивилизация, создав формальную логику, научные языки описания, эмпирические процедуры познания и современные информационные пространства и т.д.

Библиографический список

1. Вандулакис И.М. Предвосхищение Платоном простой теории типов // Историко-математические исследования. СПб, 1994. Вып. XXXV. С. 181-202.
2. Robinson S. SIAM News, №8, October 2002. URL: http://im-possible.info/russian/articles/escher_printgallery/index.html (дата обращения: 22. 11.11).
3. Студенческий меридиан. 2008. №5. URL: <http://www.stm.ru/archive/742/#> (Дата обращения: 22.07.11).